

Ученик Рериха

Писатель с мировым именем, эмигрант и репатриант Альфред Хейдок последние годы жизни провел на Алтае, в Змеиногорске.

Альфред Петрович Хейдок, по национальности латыш, родился 19 октября 1892 года в Лифляндской губернии, на хуторе Долес близ городка Цесис. Его отец был кузнецом. В восемь лет мать обучила Альфреда латышской грамоте. Чтение настолько увлекло мальчика, что вскоре он перечитал все имеющиеся в доме книги на латышском (в том числе и бабушкину Библию) и взялся за соседские. С детства его влекло все таинственное и необъяснимое. В школе Хейдок так же быстро овладел русским языком, открывшим ему безбрежный мир русской литературы. Тогда-то Альфред и решает стать писателем. Учителя хвалили мальчика и советовали отцу, чтобы тот дал сыну достойное образование. Некоторое время Альфред даже брал частные уроки для поступления в городское шестиклассное училище, но материальное положение семьи не позволило продолжить образование, и будущий писатель стал помогать отцу в кузнице. Позже он вспоминал, как частенько во время работы в кузнице, замечтавшись о писательской жизни, невольно портил заготовки, которые отец давал ему для доводки. В 1908 году семья Хейдочов переехала в Тверскую губернию на станцию Пено, близ одноименного озера. Брат отца построил там лесопильный завод и решил пригласить на работу своих менее удачливых родственников. Отец Альфреда стал механиком лесопилки, а сам юноша — «пилотоком»: точил и правил пилы. Как впоследствии писал Альфред Петрович, эти годы он прожил в русской деревне, «где слился с русским населением». Верхневолжье Хейдок считал своей второй родиной. Недалеко от лесопилки находилась Нилова пустынь — известнейший в доре-

текст
ДМИТРИЙ
МАРЬИН

волюционной России монастырь, который будущий писатель неоднократно посещал. Важным для Хейдока оказалось и то, что в Нилову пустынь в свое время часто приезжал Федор Михайлович Достоевский, творчество которого юноша очень ценил и многие мысли которого впоследствии пронес сквозь города и годы. К началу Первой мировой войны Альфред Петрович был уже управляющим дядиного завода. Когда началась война, он добровольцем ушел в армию, проходил службу санитаром на Западном фронте. Альфред Хейдок тяжело воспринял Брестский мир, провозглашенный новой властью. 3 марта 1918 г. (этот день писатель запомнил на всю жизнь), оказавшись в оккупированном немцами белорусском городе Несвиж, Хейдок, сорвав погоны и знаки различия, двинулся на ближайшую станцию Столбцы с твердым решением пробираться на Дальний Восток, находившийся во власти белых. В конце апреля он уже был в Благовещенске. Именно здесь произошло событие, которое будущий писатель впоследствии объяснял не иначе как влиянием таинственных сил. Отойдя от вокзала всего несколько шагов, он встретил свою будущую жену и единомышленника — Евгению Сергеевну, первый муж которой — офицер Амурской флотилии — был застрелен взбунтовавшимися матросами 3 марта 1918 года.

Где был и что делал Хейдок в 1918-1920 годах, то есть в разгар Гражданской войны, до сих пор точно не известно. Сам Альфред Петрович лишь однажды обмолвился, что эти два года он провел в Благовещенске, будучи начальником отряда самообороны, организованного из мест-

2. Альфред Хейдок.

1. Один из выпусков харбинского журнала «Рубеж», в котором в 1920-1930-х годах Альфред Хейдок публиковал свои рассказы. Фото с сайта www.sakhvesti.ru

2

ных жителей и защищавшего город от красных партизан. Впрочем, легенды приписывают ему личное знакомство и с адмиралом Колчаком, и с бароном Унгерном. Как бы там ни было, в 1920 году Хейдок покидает Россию и поселяется в Харбине. Здесь он некоторое время в частном порядке преподавал русский язык китайцам, однако настолько преуспел в этом деле, что приобрел известность и был приглашен преподавать русский язык сразу в два китайских учебных заведения: в Харбинский медицинский колледж и Гиринский университет. Позже он становится сотрудником библиотеки КВЖД. Здесь, в Харбине, начинается писательская карьера Альфреда Петровича Хейдока. В 1929 году в декабрьском номере эмигрантского журнала «Рубеж» был опубликован его первый рассказ «Человек с собакой», который сразу привлек внимание читательской публики. Хейдок становится постоянным сотрудником журнала, кроме того, печатается в местных газетах «Заря» и «Рупор».

Знаковым событием в жизни Хейдока стало его знакомство в 1934 г. с Николаем Константиновичем Рерихом. Рерих приехал в Харбин для чтения курса просветительских лекций для русских эмигрантов. Вскоре вокруг великого философа и художника складывается кружок единомышленников и последователей его учения. Из всей группы харбинских учеников Рерих выбрал только двух и вручил им привезенные из Гималаев перстни ученичества, как знак особого доверия и духовной близости. Этими избранными были писатель и художник Борис Абрамов (1897-1972) и Альфред Хейдок. Подаренный Учителем серебряный перстень с кораллом и бирюзой Хейдок носил на безымянном пальце левой руки до самой смерти,

стр. 21

литературный
архив

с ним же и был похоронен. Идеино-эстетическое влияние учения Николая Рериха об Агни Йоге впоследствии отразилось на всех произведениях Хейдока. Рерих помог издать первую книгу Хейдока — сборник новелл «Звезды Маньчжурии» (1934), выступив автором предисловия к нему. Издание было подготовлено принадлежащим Рериху нью-йоркским издательством «Алатас», но отпечатано в Харбине, в типографии газеты «Заря». Рерих же выбрал для книги и цвет обложки: оранжевый. Рецензию на первую книгу Хейдока написал другой известный представитель русской эмиграции — поэт Всеволод Иванов.

Вскоре Маньчжурия была оккупирована японцами, и осенью 1940 года семья Хейдоков по совету Рериха, вслед за многими русскими эмигрантами, перебирается в Шанхай. В Шанхае Альфред Петрович работал охранником, сторожем на складе американского общества «ИРМА», продолжал печататься в русскоязычных газетах. В период Второй мировой войны писатель занял патриотическую позицию, выступал с антифашистскими статьями в местной прессе. В 1946 году он получает советский паспорт и в августе 1947-го на советском пароходе «Ильич» вместе с женой и сыном, а также тремя тысячами других русских эмигрантов, живших в Китае, возвращается на Родину. Хейдоки поселились на Урале, в городе Североуральске. Альфред Петрович сначала работал пожарником, затем преподавал английский язык в Рудоуправлении, после работал юрисконсультом. В 1950-м согласно ст. 56 п. 4 УК РСФСР за «переписку с иностранной буржуазией» (отправил Николаю Рериху из Североуральска всего одно письмо!) Хейдок был арестован и приговорен к 10 годам лишения свободы. Чуть раньше был арестован его сын. Жена писателя, не выдержав такого удара, скончалась. Известно, что в инвалидном лагере на станции Абезь, в 160 км от Воркуты, где Хейдок отбывал срок, он познакомился со своим земляком, писателем Рихардом Рудзитисом — отцом известной ныне барнаульской художницы Илзе Рудзите, переехавшей на Алтай в 1963 году.

Из лагеря Хейдок был освобожден досрочно в 1956 году и был полностью реабилитирован в связи с отсутствием состава преступления. К сожалению, при аресте был изъят архив писателя. Когда Альфред Петрович, оказавшись на свободе, обратился в компетентные органы с просьбой сообщить о судьбе архива, ему ответили, что архив сожжен. Жаль, ведь оказались утерянными рукописи ранних произведений писателя, опубликованных в харбинских и шанхайских газетах, переписка с членами семьи Рерихов. Осенью 1956 года Хейдок переселяется к своему сыну (который был освобожден чуть раньше) в казахский город Балхаш. Здесь Альфред Петрович долгое время работал библиотекарем, а в 1975 году перешел в Казахстанский научный институт рыбного хозяйства, где занимался переводами научной литературы с английского языка.

СЛОВО

Здесь же он познакомился с Людмилой Ивановной Вертоградской, вскоре ставшей ближайшим другом и секретарем писателя. В 1981 году Альфред Петрович Хейдок переезжает на Алтай, в Змеиногорск. В это время он уже почти ослеп. Выбор нового места жительства был неслучаен. Об Алтае Хейдоку в свое время много рассказывал Рерих, который был очарован красотой и величием местной природы. Под впечатлением рассказов Рериха писатель даже взял себе псевдоним «Алтаев». Приехав однажды в Змеиногорск, Хейдок сразу же влюбился в этот алтайский город. «Тихий городок, отделенный от железной дороги полсотней километров, но, тем не менее, обладающий культурными учреждениями современного общества, стал для меня чем-то вроде притягательного магнита», — напишет потом в своем очерке о Змеиногорске писатель. Важным знаком правильного выбора нового места жительства писатель считал и тот факт, что в Змеиногорске несколько раз останавливался Федор Михайлович Достоевский, параллели с жизнью которого для Хейдока всегда имели большое значение. Здесь, в Змеиногорске, Альфред Петрович Хейдок проведет последние 9 лет жизни, которые, несмотря на слабое здоровье и слепоту, были очень плодотворными в творческом плане. В Змеиногорске им было написано множество эссе и очерков философско-этического характера. По собственному признанию Аль-

фреда Петровича, нигде больше ему не работалось так хорошо, как на Алтае, а ведь писатель на своем долгом веку сменил немало городов. Правда, при жизни увидела свет лишь мизерная доля его трудов. Не всем оказались доступны особые философия и эстетика, определяющие стиль Хейдока-писателя. Его произведения полны мистицизма, изобилуют понятиями и образами учения Рериха. Лишь в 1990 году в № 3 журнала «Алтай» была опубликована повесть Альфреда Хейдока «Грешница». Автор не дождал до этого события совсем немного...

Альфред Петрович Хейдок скончался 20 июня 1990 года в 19 ч. 45 мин. Он похоронен на городском кладбище у подножия Караульной горы. На могильной плите выбито рериховское триединство — в большом круге три маленьких кружка. Сегодня в Змеиногорске на фасаде дома по адресу: ул. Волкова, 56, установлена мемориальная доска из диабазы с надписью: «В этом доме с 1981 по 1990 гг. жил писатель с мировым именем Альфред Петрович Хейдок (1892–1990)». Стараниями близкого друга писателя и его секретаря Людмилы Ивановны Вертоградской наследие алтайского ученика Рериха ныне бережно сохраняется и ждет своего издателя. А он трудам Хейдока очень нужен! Ведь писатель жив до тех пор, пока его книги публикуются и попадают в руки к вам, дорогие читатели!

АЛЬФРЕД ХЕЙДОК

Дарси

СЛОВО

Вы, наверное, видели, как голодная собака смотрит на кусок мяса. Но вы не имеете понятия, как это продлевает голодный волк, — он спружинивает мускулы,

и в его глазах загораются зеленые огоньки; обладателю куска тогда становится не по себе...

Рисунок Александра Карпова.

Вот точно так Ваганов посмотрел на женщину, которая сидела в автомобиле Кандаурова, — богача, гремевшего когда-то на всю примонгольскую окраину.

А на женщину стоило посмотреть!

Соболиные брови и очи с поволокой! И казалось Ваганову, что первый раз после долгих лет, проведенных в аду европейской и гражданской войны, он видит женщину, столько сулящую мужчине...

Посмотри Ваганов так на нее в городе — Кандауров, как обладатель столь редкого экземпляра, может быть, только самодовольно улыбнулся бы.

Но здесь, в дикой монгольской степи, он почувствовал страх, и рука невольно нащупала браунинг в кармане, пока машина медленно проползла мимо пешехода.

— Волк, настоящий волк, волком и смотрит! — пробурчал он в бороду.

Ваганов теперь действительно был волк. Волком его сделали годы войны и ледяной поход. Он и его товарищи давно уже стали удивляться, если их за весь день никто не обстрелял и не приходилось без боя брать ночлег в деревне.

Выработался даже свой жаргон. «Плюнь на него!» значило — «Убей его!»

Они так привыкли к переходам, что Камчатка, Северный полюс и Гималаи — все было — рукой подать.

Сейчас Ваганов пересекал Монголию, пробираясь в Китай. Все уже было потеряно, а в душе что-то говорило, что есть и другая жизнь — без выстрелов и крови.

И эта женщина, которая только что пронеслась мимо него с жирным штатским, показалась ему олицетворением той другой жизни, жизни, полной удовольствий и дурманящих ночей...

Кандауров также пересекал Монголию, пробираясь с деньгами и женою в безопасный Китай.

Он сам управлял машиной и избрал этот необыкновенный маршрут, чтобы подальше быть от всяких отрядов.

Вечером того же дня Ваганов нагнал хмурого, как туча, Кандаурова. Автомобиль стоял на холмике у русла, через которое раньше переезжали без всякой помехи, а теперь нечего было и думать о переправе: мутные струи наполняли русло и, кружась, несли белую пену и стволы деревьев, занесенных Бог знает откуда. Видимо, на верховьях выпали сильные ливни.

— Куда путь держите, молодой человек?

— На восток.

— А сами откуда?

— С запада.

Кандауров замолк и решил не смыкать глаз ночью: зарежет прохожий. Завтра, наверное, вода на убыль пойдет...

Ваганов отошел в сторону, погрыз сушеной баранины и лег, завернувшись в шинель.

Утро принесло путникам сюрприз — они оказались на острове. За ночь прибывающая вода где-то прорвала берег и широким бурлящим рукавом отрезала им отступление.

II

Поторопился, видно, Кандауров, слишком уж понадеялся на скорость переезда к знакомым юртам и не прихватил провизии.

В следующий полдень Ваганов убедился, что его спутникам нечего есть.

Первый раз он подошел к ним и предложил остатки сушеной баранины, которая тут же и была съедена.

Женщина нашла, что Ваганов недурен, только немного дик.

Кандауров очень хорошо понимал взгляды, которые бросал на нее Ваганов, и между обоими мужчинами, сразу установилась скрытая ненависть.

Прошли еще день и ночь, а вода и не думала убывать. Голод царствовал на холмике, и каждый по-своему относился к нему... Привыкший к изысканным блюдам, Кандауров пожелтел, как дыня осенью, и чувствовал невероятную злость. Глаза женщины стали глубже и, казалось, горели на ставшем мраморным лице.

Только Ваганов как будто не чувствовал голода. Привыкший к голоду и холоду организм бережно расходовал энергию, которой много было в сухих мускулах юноши. Он был спокоен, ибо смутно чувствовал, что небеса дают ему в руки карты в той игре, где ставкой служила женщина, к которой тянулось все его изголодавшееся по ласкам существо.

Он стал весел на четвертый день, когда оказалось, что новый вал наводнения прокатился по реке.

Теперь он знал, что началось «дэрби» его жизни, — состязание в выносливости с этим старым мешком жира. Кто выживет, тому... — Ты пожил, а я нет; уступи ее мне! — хотелось ему крикнуть, но молча и со стиснутыми зубами ждал он событий...

Вдруг новая мысль обожгла его, — она могла умереть прежде!..

И тогда началась работа. Он вырвал клоч своих волос и смастерил из них небольшую петлю. Эту петлю укрепил на конце своей дорожной палки. С терпением дикаря он целый день стоял по колено в воде: не подвернется ли пескарь или червеобразный вьюн.

Безумными глазами Кандауров следил за ним, но ничего не попадалось. Тогда Кандауров впал в тяжелое забытие рядом с женщиной, и в кошмарных снах видел дымящиеся блюда и хлеба... хлеба. Когда наступила ночь, женщина открыла глаза, — Ваганов тихо дергал ее за руку. Приложив палец к губам в знак молчания, он протянул ей горсть крошечных рыбешек — сырых, но предварительно посыпанных солью. Жадно она проглотила их, и на руку Ваганова упала горячая слеза,

Ваганов был честен — ни одной рыбки он сам не проглотил. Правила состязания были соблюдены, и стало быть, игра была честная — а ведь судороги сжимали его внутренности при виде пищи.

Так продолжалось еще два дня. Затем Кандауров вспомнил о браунинге. Раздался сухой треск, и с пробитым виском он рухнул на землю — нервы не выдержали!

Это были кошмарные дни!

Но небеса, видимо, жалели дикаря, не выдавшего радостей жизни, и в петле Ваганова затрепетала трехфунтовая щука.

А потом спала и вода, и в одном монгольском стойбище поднялся переполох: во весь опор прискакал пастиух и рассказал, что в степи он видел мчащуюся телегу без лошадей, а этой телегой управляла сама смерть, потому что это не мог быть человек, — он был весь кости и кожа, только в глазных впадинах горели глаза...

Это был Ваганов, который выигрывал свое «дэрби».

Он подходил к старту, за которым начиналась та, другая жизнь, и дурманящие ночи...

«Рубеж» [Харбин]. 1929. 23 февраля. № 9 (58).